

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нефть Подмосковья

Интересное предложение

Чтобы привести деньги в область, нужно сделать инвесторам выгодное предложение. Оглядевшись вокруг, легко понять, что самым привлекательным активом этого региона является земля. В то время состоятельные люди активно изучали рынок подмосковной недвижимости. Во время кризиса 1998 года многие потеряли деньги на фондовом рынке и искали более надежные способы инвестиций. Участок земли неподалеку от столицы, казалось, — именно то, что нужно. Это привлекательный материальный актив, который со временем будет только расти в цене. В «нерезиновой» Москве жизнь становится все менее комфортной, люди тянутся к природе, но не хотят уезжать далеко от мегаполиса — значит, станут переселяться в загородные подмосковные резиденции. Стоит сегодня купить кусок земли, как завтра он подорожает втрое: так размышляли инвесторы.

Но чтобы прийти на этот рынок, нужно заручиться поддержкой властей, ведь по закону на полях ничего строить нельзя, а кусок пахотной земли невозможно купить просто так. Земли принадлежали колхозам. В Подмосковье их существовало около 300. Во время приватизации в начале 1990-х колхозные земли не

были должным образом оформлены и оценены. Районные администрации ограничивались штамповкой постановлений о передаче сотен тысяч гектаров пахотной земли правопреемникам советских колхозов и совхозов. В них указывалось, что новые сельхозпредприятия могут использовать землю, при этом правом собственности на нее они не обладали. Соответственно, законно продавать ее не могли.

Собственниками земли стали крестьяне, но эта собственность была лишь виртуальной. Во время приватизации колхозники получили розовые бумажки — земельные паи. Мало кто догадывался, что они дают возможность получить свой кусок земли в родном районе. В 1990-х жители области были вправе распорядиться этими бумажками по своему усмотрению.

Можно было получить землю и стать фермером. Но это случалось крайне редко — и высокие бюрократические барьеры, и инертность самих деревенских жителей оказывались основными препятствиями к созданию своего хозяйства. Можно было также внести свой пай в колхоз и работать как раньше, при Союзе. Большинство сельских жителей Подмосковья так и сделали. И не столько потому, что были сторонниками коллективизма, — просто ничего не знали про приватизацию, про розовые бумажки им никто ничего толком не рассказал, они про них и думать забыли, поэтому их пай по умолчанию внесли в уставный капитал колхоза.

Границы этих колхозов были достаточно условными и легко изменялись. Процедура проста. Глава района вносил уточнения в свое постановление, согласно которому предприятие наделялось земельным участ-

ком, — и часть колхозной земли в одночасье становилась муниципальной. А эту землю уже можно продавать.

Так постепенно угождая подмосковных колхозов стали таять. Несправедливо напрямую связывать это явление с приходом команды Громова. Областные земли начали менять хозяев еще в 1990-х, но с приходом новой власти в регион дело приняло небывалые масштабы.

Массовая скупка земельных паев у подмосковных колхозников (тех самых розовых бумажек) началась в 2003 году. Сначала земли в Подмоскowie покупали малоизвестные и сомнительные личности вроде вышеуказанного Дыскина. Вслед за ними пришли более серьезные инвесторы: «Промсвязьбанк», корпорация «Уралсиб» и др.

Новые владельцы обрели 810 000 гектаров. Это пятая часть всей территории Подмоскowie.

По оценке главы общественного объединения «Крестьянский фронт» Сергея Шугаева за несколько лет в области были проданы земли 90% колхозов, каждый из которых владел примерно 3000 гектарами земли. Получается, что новые владельцы обрели 810 000 гектаров. Это пятая часть всей территории Подмоскowie.

Скупка земель всегда проходила одинаково. В колхоз приезжали солидные мужчины на дорогих машинах, вытаскивали из багажника чемодан наличных и говорили крестьянам: «Давайте мы купим у вас эти никому не нужные розовые бумажки, земельные паи, — все равно они ничего не стоят».

Кем были эти люди? Чаще всего, нанятыми юристами, представителями того или иного собственника. Трудно представить, чтобы глава корпорации «Уралсиб» Николай Цветков лично поехал по деревням скупать колхозные паи. Гораздо проще найти бойких парней с юридическим образованием и выделить им несколько миллионов долларов на решение вопроса.

Эти люди, в свою очередь, старались потратить средства так, чтобы полмиллиона положить к себе в карман. Обычно они скупали 200 из 1000 паев выбранного колхоза, собирали общее собрание колхозников, на котором принималось решение увеличить уставный капитал с 27 000 до миллиона рублей. Понятно, что у колхозников нет таких денег, обладатели заветных 200 паев оплачивали весь уставный капитал, гасили долги по земельному налогу и становились фактическими собственниками колхоза, потому что доля остальных участников размывалась из-за того, что они не смогли внести деньги в уставный капитал.

Насколько выплачиваемые крестьянам деньги были адекватны реальной стоимости земли? Глава «Крестьянского фронта» Шугаев вспоминает, что жителям колхоза «Ленинский луч» в Красногорском районе Подмосковья в 2003 году предлагали по 15 000 долларов за пай. Но среднерыночная стоимость сотки земли в этом районе составляла 10 000 долларов, а на каждого крестьянина приходилось по 78 соток. Значит, каждый пайщик мог бы получить по 780 000 долларов — это если бы земли скупались на прозрачном рынке.

Обиженные крестьяне попробовали было судиться, но областные суды почему-то принимали решения в пользу новых хозяев. А главы районов не реагировали на жалобы жителей. Причина была довольно банальна — они были на стороне сильного.

Жители колхоза «1 мая» в Балашихинском районе рассказывали, как сидели однажды в коридоре суда, ждали рассмотрения своего дела по поводу незаконного завладения колхозной землей. Вдруг вошел представитель их обидчика, скупившего земли. В руках у него был обычный пластиковый пакет, в котором, судя по форме, лежало несколько пачек денег. Этот человек удалился в кабинет председателя суда и вышел оттуда уже без пакета. «Во многих случаях взятки давались демонстративно и цинично, — говорит защитник крестьян Шугаев, — чтобы показать: “Смотрите, ребята, мы открыто отдаем деньги, и решение в отношении вас примут отрицательное”».

Ловушка для инвестора

Однако мало кто понимал, что под земельным рынком Подмосковья тикает мина замедленного действия. При скупке земель большую роль играли не столько деньги, сколько административный ресурс, умение договориться с председателем колхоза и главой района, что они закроют глаза на нарушения.

Напомню: купить и застроить колхозную землю легально было невозможно. Принадлежащий колхозу участок относится к землям сельхозназначения. Он мог использоваться исключительно для производства

сельскохозяйственной продукции — строить на нем коттеджи незаконно. А заниматься производством мяса, молока, выращиванием пшеницы никто из инвесторов не хотел. Едва получив колхоз в собственность, они распродавали технику, забивали все поголовье скота и начинали нарезать участки под строительство. И тут-то они оказывались в положении просителей на птичьих правах.

Сменить статус участка можно двумя способами: присоединив его к землям сельских поселений через постановление губернатора области или изменив разрешенное использование с сельхозназначения на дачное строительство. Этим занимался глава района. Земельный кодекс не разрешал проводить такую операцию с колхозными землями: смена статуса могла происходить только при выделении муниципального участка. «Все плевали на Земельный кодекс», — сказал мне Шугаев из «Крестьянского фронта». Чиновники подписывали заведомо сомнительные бумаги, законность которых можно было оспорить в суде. А инвесторы начинали строить коттеджи на свой страх и риск.

Услышав об этом, я вспомнила, что в Индии власти поступают точно так же. Многие иностранцы хотят приобрести участок земли на побережье, к примеру в штате Гоа. Местные власти вроде бы ничего не име-

При скупке земель большую роль играли не столько деньги, сколько административный ресурс, умение договориться с председателем колхоза и главой района, что они закроют глаза на нарушения.

ют против. Пока наивный иностранец заключает сделку с индийским продавцом, его никто не беспокоит. А потом «внезапно» выясняется, что вблизи береговой линии строить ничего нельзя, а участок, который он купил, вообще относится к землям сельхозназначения, которые можно только пахать. Инвестору, вложившему к тому времени в проект немало денег и даже успевшему построить особняк, начинают грозить судами, а они в Индии вполне могут затянуться лет на сто и обойтись в целое состояние. Что же делать иностранцу? Правильно — терпеть и платить всем, кто ни попросит, так как он изначально нарушил закон. Если его выгонят с участка, никто не вернет ему потраченных денег. А чиновники, подписавшие заведомо незаконные бумаги, будут ни при чем.

Как ни странно, Подмосковье находится ближе к Индии, чем кажется. Но, к сожалению, не в географическом плане. Скупщики подмосковных земель оказались ровно в том же положении. В любой момент может прийти влиятельный человек, который захочет забрать участок себе. А это не так сложно: достаточно покопаться в документах на право собственности, сосчитать, сколько законов было нарушено при их составлении, и можно писать жалобу в милицию или идти в суд. Но важно быть достаточно значимым человеком, чтобы к твоим претензиям прислушались.

Местные крестьяне тоже пытались судиться, жаловаться в милицию и в прокуратуру, но у них редко что-то получалось.

Адвокат Сергей Шугаев заинтересовался крестьянским вопросом как раз после того, как его знакомый

попросил отсудить у колхоза земельный пай его жены. После этого он понял, что дел в Подмоскowie у юриста — непаханое поле. С 2005 года работники десятков подмосковных колхозов начали судиться с новыми владельцами земли. В большинстве случаев они терпели неудачу. Но народный гнев нарастал. Сначала он был направлен на богачей, скупивших землю, потом люди обратили внимание на тех, кто им это позволил. Что же отвечал губернатор на упреки в распродаже главного достояния Подмоскowie?

Он говорил, что тут все очень запутанно — правительство не может ни по закону, ни физически контролировать колхозы. По его мнению, чтобы быть в курсе дела, нужно иметь в каждом колхозе своих людей, которые бы информировали областных чиновников о продаже земельных паев. Единственный рычаг давления на новых собственников — разрешение на перевод земель из сельскохозяйственного назначения в другое, которое выдавалось областными чиновниками. «Если вы купили землю, на которой выращивалась пшеница, — увещевал губернатор новых землевладельцев, — выращивайте пшеницу или картошку, разводите коров и кур, но не рассчитывайте строить коттеджи для новых русских». Судя по количеству выросших на подмосковных землях коттеджных поселков, местные власти не раз делали исключения из озвученного Громым правила и разрешали строительство на полях. Трудно сказать, какие мотивы ими двигали.

На самом деле, это довольно характерная черта подмосковных чиновников. Часто глава области делает резонное и справедливое заявление, требует че-

го-то не допустить, а какое-то начинание, наоборот, поддержать. Но это вовсе не значит, что все случится именно так, как сказал Громов. Странно, что в области, где многие ключевые посты занимают военные, приказы «старшего по званию» не всегда обязательны к исполнению.

Странно, что в области, где многие ключевые посты занимают военные, приказы «старшего по званию» не всегда обязательны к исполнению.

Возможно, дело в том, что губернатор рассуждал о проблемах вообще, не вдаваясь в подробности. А как только доходило до дела, становилось ясно: все не так просто. Абстрактное желание сохранить сельское хозяйство резко контрастирует с активной застройкой подмосковных земель в последнее десятилетие, а общие слова по поводу инвестиционной привлекательности региона — с большими проблемами у конкретных инвесторов, решившихся начать здесь свой бизнес.

Неясные правила игры и сомнительный статус сделок вредил не только крестьянам, но и новым владельцам земли. История Дыскина, к примеру, закончилась печально. В 2005 году ГУВД Московской области завело на него и подконтрольные ему компании более десяти уголовных дел по факту незаконного получения земли. Сам землевладелец предполагал, что за этим стоят его конкуренты — скупщики земель из корпорации «Знак», подконтрольной финансовой группе «Уралсиб». Но как бы то ни было, в 2006 году ему пришлось бросить свой подмосковный бизнес и спешно покинуть страну.

Высокие покровители

На смену подобным Дыскину авантюристам-одиночкам в Московскую область пришли крупные инвесторы. Они, в отличие от «индивидуальных предпринимателей» были вхожи в высокие кабинеты подмосковного правительства, могли встретиться и заручиться поддержкой губернатора и областных министров. Помимо группы «Уралсиб», земли в Подмосковье в то время скупали производитель соков и молока «Вимм-Билль-Данн», компания Millhouse Capital Романа Абрамовича, «дочка» «Промсвязьбанка», «Промсвязьнедвижимость» братьев Ананьевых. Совладельцы этих компаний были постоянными членами «золотой сотни» *Forbes* и располагали большими связями.

По некоторым данным, важным игроком на рынке подмосковной земли было созданное губернатором Громым движение ветеранов Афганистана «Боевое братство». Якобы оно помогало бизнесменам скупать крестьянские паи. В 2005 году журнал *Forbes* среди крупнейших землевладельцев области назвал банк «Абсолют». Подмосковные лендлорды рассказывали, что он действует в крепкой связке с членами «братства». ««Абсолют» и группа «Боевое братство» — это фактически одна компания, — писал журнал. — «Абсолют» дает деньги, «Боевое братство» работает, ведет скупку». Бывшие сотрудники компании «Регион-Р», коммерческого подразделения «Боевого братства», признавались, что благодаря им владелец «Абсолюта» Александр Светаков установил контроль над 30% всех сельскохозяйственных земель Московской области

(а это более 600 000 га). Правда, в самом банке настаивали, что владеют всего лишь 20 000 га, и все сомнительные связи с «афганцами» отрицали.

Кадровый резерв

Военные вообще играли заметную роль в области. Причина проста: губернатор Подмосковья Борис Громов относился к тому типу начальников, которые повсюду берут с собой «проверенных» людей. Выбирают они их не столько по профессиональным знаниям, сколько по общей лояльности. Стоит одному такому проверенному человеку покинуть «строй» подмосковных чиновников, как на его место встает пара других — таких же проверенных. По составу областного правительства можно проследить всю биографию Громова. К примеру, в правительстве Подмосковья и приближенных к нему структурах можно было увидеть людей из Саратова, где родился и вырос будущий губернатор.

Громов был самым младшим из трех братьев в семье саратовских военного. Родился в 1943 году, в тот же год его отец умер на фронте. Воспитанием детей занимались мать, бабушка и дедушка.

В 1955 году Громов поступил в саратовское военное училище. За два года до этого его окончил старший брат будущего губернатора Алексей. Через семь лет Борис продолжил обучение в Ленинградском командном училище имени Кирова. После учебы его распределили в Калининград. Через четыре года он пошел учиться в московскую Академию имени Фрунзе. Впоследствии признавался, что сделал это поздно-

вато — через четыре года после начала службы, а не через два, как некоторые его однокашники. Стремление сделать карьеру в нем было сильно уже тогда, и засиживаться на низких должностях он явно не собирался.

После академии Громова сначала хотели направить в Мурманскую область, за полярный круг. Но внезапно планы начальства изменились, и будущий губернатор на пять лет оказался в Майкопе. Эту должность можно назвать синекурой — тихим местом для того, чтобы встретить старость на даче у моря. Но у молодого и амбициозного Громова имелись другие планы.

В Майкопе он познакомился с будущим подмосковным министром по осуществлению контрольной деятельности Виктором Шилиным.

«С 1972 года мы знакомы. И по жизни получалось так, что я всегда был его заместителем, — рассказывал Шилин в книге о Громе. — Это меня очень устраивало».

С 1998 года Шилин руководил аппаратом общественного движения «Боевое братство».

Многие члены этого движения потом становились руководителями областных структур, заседали в районных администрациях, выдающих разрешения на скупку земель. И это понятно: «Боевое братство» объединяло бывших воинов-интернационалистов, многие из которых служили под началом Громова в Афганистане.

Без сомнения, это самый славный период жизни будущего подмосковного губернатора. Его, тогда еще полковника, отправили в Афганистан в январе 1980 года. Вылетая в Кабул из Ташкента, он прихва-

тил с собой парадный мундир на всякий случай. Мундир не пригодился. Жить пришлось во временных домиках на колесах, отапливаемых буржуйками. Через два года он приехал в Москву генерал-майором, чтобы учиться в академии Генерального штаба.

После учебы в 1987 году Громова назначили командующим 40-й армией и он вернулся в Афганистан. Теперь он руководил боевыми действиями советской армии в этой стране. Его штаб уже располагался не в теплушке на колесах, а в бывшем дворце Амина в столичном городе Кабуле, занятом советскими войсками. Там он планировал последнюю перед выводом войск операцию «Магистраль».

Она стала самой крупномасштабной за всю историю афганской войны. На прорыв блокады города Хост было брошено более 10 000 солдат, около 500 машин и 300 единиц бронетехники. Наиболее ожесточенное сражение произошло в районе высоты 3234. Там стояла девятая рота: в течение двух дней 39 человек отбили 14 атак. В итоге на высоте осталось всего пятеро бойцов с двумя магазинами патронов на каждого. В этот момент к ним подоспела подмога.

За операцию «Магистраль» Громову дали Героя Советского Союза. А про девятую роту Федор Бондарчук снял одноименный блокбастер.

После успешно проведенной операции выяснилось, что вышестоящее начальство решило вывести войска из Афганистана. Президент СССР Михаил Горбачев получил за это решение Нобелевскую премию, а самим выводом 140-тысячной советской группировки из Афганистана занялся будущий губернатор Подмосковья.

Вся выросшая за годы войны инфраструктура передавалась афганским «товарищам»: место советских солдат уже через пару лет заняли моджахеды, им достались авиабазы, склады, казармы — всего 183 военных городка.

Громов покидал эту страну на последнем БТРе, вез с собой самое ценное — обернутое в брезент знамя полка. На случай захвата моджахедами машина была заминирована, чтобы ни знамя, ни советский генерал не достались врагам. На мосту, соединяющем Афганистан с Союзом, была подготовлена трогательная встреча. Под прицелами фото- и телекамер генерала Громова встречал его пятнадцатилетний сын Максим.

Громов вернулся с войны настоящим героем, стал народным депутатом. В 1990 году он познакомился со своим, пожалуй, самым верным сослуживцем Алексеем Пантелеевым, до 2009 года работавший первым вице-премьером области.

Это произошло на военных сборах. Громов задал Пантелееву какой-то вопрос, тот ответил невпопад, но генерал

Громов задал Пантелееву какой-то вопрос, тот ответил невпопад, но генерал его все равно почему-то запомнил.

его все равно почему-то запомнил. Через пару дней он прилетел в его дивизию посмотреть, как идет подготовка к приезду выводимых из Европы частей. Полк Пантелеева должны были сократить, Громов поинтересовался, как он дальше планирует строить свою карьеру и порекомендовал попытаться устроиться в Генштаб.

После краха ГКЧП Пантелеев стал правой рукой Громова. Ездил с ним по «горячим» точкам, занимался решением насущных проблем.

«Постепенно, кроме служебных, у нас возникли чисто человеческие отношения, — вспоминал Пантелеев. — Я не могу назвать это дружбой, слишком большая разница и по возрасту, и в служебном положении, но я видел, что Борис Всеволодович относится ко мне с душевной теплотой и симпатией».

Когда Громов стал замминистра обороны, Пантелеев был рядом. Отношения будущего губернатора с шефом Павлом Грачевым были напряженными. А после того, как генерал высказался против начала чеченской кампании, министр обороны и вовсе поставил вопрос о его увольнении. Но всеми любимого полководца нельзя было уволить просто так. И его перевели работать в Министерство иностранных дел. Правда, ни кабинета, ни штата, ни оклада ему не причиталось.

Тем не менее верный Пантелеев остался с ним. Он с другими помощниками Громова несколько дней держал осаду кабинета своего начальника в Минобороны, в котором, к слову, работал сам маршал Жуков. После того как громовцев все же выселили в МИД, Пантелеев работал там полгода без зарплаты, хотя мог бы продолжить самостоятельную военную карьеру.

И он был не один такой: вокруг генерала собралась группа людей, которые следовали за ним повсюду. Вот, к примеру, однофамилец Громова Василий. В начале 1990-х годов он разбирал почту будущего губернатора в Минобороны, потом ютился в небольшом

кабинете в здании МИДа вместе с десятком других помощников Громова, которые решились перейти с ним в дипломатическое ведомство. Во время выборов губернатора возглавлял штаб Громова. Потом стал заместителем председателя правительства. Именно на таких людях и держится подмосковный кабинет министров.

Когда Громов решил баллотироваться в губернаторы, Алексей Пантелеев тоже остался неподалеку. Тогда главы регионов шли на выборы в паре с предполагаемыми замами. Но вторым человеком в области предполагалось сделать не верного Пантелеева, а депутата фракции «Яблоко» Михаила Меня. Это более известная политическая фигура, к тому же строгого военного генерала неплохо было бы уравновесить демократом — так можно было рассчитывать на поддержку избирателей разных политических убеждений.

Однако через два года Меня уволили и перешел работать в мэрию Москвы, а позже и сам стал губернатором Ивановской области.

В начале 2003 года газеты написали, что Меня «сожрали» «черные полковники».

«О существовании “военного лобби” в администрации Московской области говорили давно и даже оправдывали Бориса Громова, — писала “Новая газета”. — Мол, кому еще ему доверять, как не бывшим подчиненным, с которыми он прошел огонь, воду и медные трубы. Оправдывали до тех пор, пока методы работы новых чиновников не стали напоминать казарменные».

К «черным полковникам» газета причисляла заменившего Меня на посту первого заместителя председа-

теля правительства области Алексея Пантелеева, главу аппарата областного правительства Игоря Пархоменко, его зама Бориса Жиганова, отвечавшего за кадровые вопросы, а также министра печати и информации Подмосковья Андрея Барковского.

За умение снимать людей с должностей Пантелеева и его товарищей прозвали «фотографами». Любимая фраза Пантелеева якобы звучала так: «Чтобы завтра этого человека не было в здании». Если верить газетам, все приходящие работать в подмосковное правительство проходили тщательную проверку, а в кабинетах стояли прослушивающие жучки.

Казус ИКЕА

И не только у них. Глава представительства ИКЕА Леннард Дальгрэн, построивший три магазина в Подмосковье, описал в своей книге о России встречу с одним сотрудником ФСБ. Придя к Дальгрэну в кабинет, он положил на стол какой-то прибор, который тут же запищал и замигал лампочками. «Вы знаете, что ваш кабинет прослушивают?» — спросил ФСБшник. Потом нажал какую-то кнопку на своем аппарате и сообщил: «А теперь уже нет».

Первый магазин по продаже мебели ИКЕА популярной шведской марки открылся в подмосковных Химках в 2000 году.

Казалось, областные власти готовы таких именитых инвесторов на руках носить. Местные министры и губернатор на всех заседаниях рассказывали о том, насколько благоприятен инвестиционный климат в Подмосковье по сравнению со столичным.

И действительно: построить магазин на Кутузовском проспекте в Москве ИКЕА не дали. Глава российского представительства компании Леннарт Дальгрэн связывал это с тем, что он не сумел сторговаться с женой бывшего столичного мэра Еленой Батуриной. Ее компания «Интеко», в частности, занималась производством пластиковой мебели, и ИКЕА теоретически могла размещать у них заказы на свои изделия. На одну из встреч с представителями этой компании неожиданно пришла сама Батурина. «Она вошла в комнату посреди разговора и, не представившись, заявила: если мы собираемся закупать продукцию одного из ее предприятий, то делать это предстоит на ее условиях», — писал Дальгрэн в своей книге о России. Предложенные условия показались шведам совершенно невыгодными, и они отказались от сотрудничества. Потом им намекали, что именно этот небольшой конфликт стал причиной того, что Москва оказалась для них закрыта.

Глава Подмосковья, вроде бы, не имел причин мешать ИКЕА: в те годы его супруга Фаина, по данным единого госреестра юрлиц Единого государственного реестра юридических лиц, владела косметическим салоном и никаких интересов в этом регионе иметь не могла.

Кроме того, строительство торговых центров по внешней стороне МКАДа было одной из главных надежд подмосковного правительства. Большие земельные участки рядом с Москвой могли привлечь крупных иностранных ретейлеров, которые привели бы в область так необходимые ее бюджету деньги.

Областные чиновники даже разработали специальную программу «Губернское кольцо», предпола-

гающую застройку торговыми центрами всей внешней стороны главной кольцевой магистрали столицы. Сначала под строительство они выделили полтора десятка участков на внешнем радиусе МКАД. Помимо крупных ретейлеров вроде «Ашана», ИКЕА, «Крокуса», вдоль дороги появились небольшие строительные рынки и магазины. Из-за многочисленных съездов к торговым объектам пробки на МКАДе стали еще плотнее.

Десять лет спустя новый мэр Москвы Сергей Собянин, приехав на МКАД с неожиданным визитом, по своей привычке грустно усмехнулся и сказал: «Как такое могло получиться, что магистральная дорога превратилась в проселочную? Через каждый километр понатыканы присоединения с всевозможными ларьками, магазинчиками, заправочными станциями? Без полос торможения, с грубейшими нарушениями всех СНиПов».

Московские пробки подмосковного губернатора совсем не волновали. После переезда в новое здание в Мякининской пойме он летал туда на вертолете и всем советовал пользоваться этим быстрым и удобным средством транспорта.

По мнению нового градоначальника, причину проблем нужно было искать в действиях чиновников: «Невозможно пробить дорогу на МКАД так, чтобы никто не видел, — говорил он. — Одни согласовывали, несмотря на нарушения, другие недосмотрели, третьи не проконтролировали, четвертые взяли себе “на карман” и довольны...»

Ругать за это Громова было не в компетенции Собянина, хотя подмосковные власти приложили к застройке МКАДа немало сил.

Московские пробки подмосковного губернатора совсем не волновали. После переезда в новое здание в Мякининской пойме он летал туда на вертолете и всем советовал пользоваться этим быстрым и удобным средством транспорта.

Казалось бы, при таком подходе иностранным компаниям в Подмоскovie должно быть уютно, как нигде. Но опыт ИКЕА показывает, что это не совсем так.

Свой первый магазин в Химках компания построила еще до Громова. Шведы понимали, что «новая метла по-новому метет», и со сменой власти отношение к ним может ухудшиться. Но менять свои подходы к делу не собирались. Они привыкли разговаривать с чиновниками начистоту, рассказывая обо всех проблемах, игнорируя намеки на взятки. Это сыграло с ИКЕА злую шутку.

На одном из совещаний с участием бизнесменов и подмосковных властей, где губернатор рассказывал о процветании области, а местные предприниматели желали ему дальнейших успехов, Дальгрэн без обиняков рассказал о некоторых своих проблемах и невыполненных чиновниками обещаниях. От этого Громов внезапно пришел в ярость и сказал, что коли ИКЕА здесь не нравится, то ее тут никто не держит.

С тех пор отношения с областными чиновниками резко охладели, и шведам пришлось приложить немало усилий, чтобы снова все исправить. Тем более что подчиненные губернатора почувствовали перемену его настроения и поняли, что смогут получить от раз-

молвки начальника с крупной международной компанией свои дивиденды.

Икеевцам не повезло и с тем, что до осени 2002 года их проект на уровне областной администрации курировал вице-губернатор Михаил Мень — в это время местные чиновники им не докучали. После его внезапной отставки переоценке подверглись и давние договоренности с ИКЕА, которая уже приготовилась к строительству в Подмосковье второго магазина и дистрибьюторского центра в районе Солнечногорска.

Куратором ИКЕА в области стал бывший дипломат, министр внешнеэкономических связей Подмосковья Тигран Караханов. По воспоминаниям Дальгрена, при встречах он был крайне любезен, что не мешало ему писать кляузы на руководство ИКЕА шведскому послу. Дипломат не был уполномочен влиять на менеджмент пусть и шведской, но частной компании. Потому он передавал письма с жалобами их герою — Леннарту Дальгрену. При встрече с Карахановым он показал ему одно из этих посланий, но тот начал утверждать, что в жизни ничего подобного не писал. Такое расхождение слова и дела было характерно не только для него.

Новый вице-губернатор Алексей Пантелеев заверял шведов, что они смогут продолжать строительство, но на стройку в Солнечногорском районе стала приходиться проверка за проверкой. Тогдашний глава района Владимир Попов с помощью милиции остановил стройку под предлогом нарушения природоохранных норм. Каждый день простоя обходился шведам в три миллиона рублей. Инвесторы пытались

встретиться с районной администрацией, но те отказывались от переговоров под предлогом страшной занятости.

Когда же встреча наконец состоялась, Попов озвучил цифру: 10 млн рублей в районный бюджет. Представители шведской компании, идеология которой запрещала давать любые взятки, согласились с предложением на том условии, что деньги пойдут на поддержку пожилых людей. Услышав это, Попов разозлился и вышел из комнаты. Через несколько дней он согласился перечислить деньги старикам при условии, что сумма, отдаваемая ИКЕА, увеличится до 30 миллионов.

Через десять дней простоя шведы согласились заплатить дань главе района. Кроме того, они сменили подрядчика на рекомендованную Поповым компанию «Баума».

«Мы понимали, что полностью находимся в руках чиновников, — вспоминал Дальгрэн. — Они в любой момент могли найти причины, чтобы закрыть оба наших магазина». Через десять дней простоя шведы согласились заплатить дань главе района. Кроме того, они сменили подрядчика на рекомендованную Поповым компанию «Баума». Вскоре ИКЕА стало понятно, что с таким заказом строительная фирма не справится, им пришлось нанимать другие компании ей в помощь, но отказаться от услуг навязанных строителей нельзя — велик риск новой остановки проекта.

Уладив проблемы в Солнечногорске, шведы столкнулись с новыми — в Химках. Там уже несколько лет работал магазин ИКЕА, и они собирались пристроить

к нему большой торговый центр МЕГА, площади которого планировалось сдавать в аренду продавцам разных товаров.

К несчастью для ИКЕА, в Химках как раз тогда сменился мэр. Город возглавил бывший афганец Владимир Стрельченко. Его заместителями стали члены «Боевого братства». И у шведов настали трудные времена. Власти досаждали бизнесменам придирками. К примеру, им не понравилось, что строители сбрасывали землю из котлована на другой участок, тоже принадлежавший ИКЕА. По мнению местной администрации, это могло привести к деформации рельсов проходящей неподалеку железной дороги, крушениям поездов, взрыву проходящего рядом газопровода. Кажется, что такими историями обычно пугают зрителей создатели голливудских блокбастеров. Но нет — претензии химкинских властей подкреплялись заключениями неких экспертных организаций.

В городе шведам чинили всевозможные препятствия: отказывались регистрировать их адрес, проводили дополнительный техосмотр 80 служебных машин. Икеевцы пытались договориться с местными властями, но безуспешно. Со стороны администрации города в переговорах участвовал тогдашний заммэра Антон Хрипко. По сведениям Дальгрена, это был довольно состоятельный человек, в свободное время торговавший недвижимостью в Лондоне и записывающий на родину побочные заработки. «Мы были уверены, что его главная цель заключалась в том, чтобы отобрать у нас землю, — писал Дальгрен. — Мы слышали, что подобное происходило и раньше».

В поисках защиты шведы пошли было в областную администрацию, но услышали в ответ «надо соблюдать законы и не рассчитывать на специальные условия».

Впервые в своей практике икеевцы обратились к известному российскому адвокату, который не знал поражений в юридических боях. В письме к нему они изложили суть своих проблем с подмосковными властями и попросили совета. Его ответ был краток: «Заплатите им». Но давать взятки было не в правилах ИКЕА. Несмотря на отсутствие всех разрешений, которые, казалось, получить невозможно, шведы назначили открытие МЕГИ на декабрь 2004 года. Накануне мэр Химок обещал оцепить территорию и никого туда не впускать. Арендаторы не могли открыть в этот день свои магазины: местные власти не выдали им документов, разрешающих торговлю.

В итоге пришлось открывать, по сути, неработающий торговый центр. В нем все было готово к приему покупателей, но никто не имел права ничего там продавать. На странном открытии присутствовали представители многих СМИ. Про конфликт ИКЕА с руководством Химок написали практически все газеты. Журналисты намекали на нечистоплотность подмосковных чиновников, писали о тяготах, которые пришлось пережить инвесторам в регионе. Хотя, казалось бы, огромный торговый центр на территории района — золотая корова, которую надо беречь, а не пытаться зарезать.

В дело, которое уже пахло международным скандалом, пришлось вмешаться самому Громову, который дал Стрельченко указание разрешить работу

МЕГИ. И вдруг все необходимые согласования были легко получены, а от претензий в нарушении закона не осталось и следа.

Российский стандарт

История ИКЕА — показательный пример того, как делаются дела в Подмосковье, да и не только здесь. Чиновник невысокого ранга, старающийся добиться каких-то своих целей, может доставить негодным бизнесменам кучу проблем, загубив на корню хорошее начинание. При этом он будет ссылаться на законы, рассказывать об алчности коммерсантов, которые ради наживы не поступаются ничем. Но стоит измениться политической ситуации, а вышестоящему начальству дать соответствующее указание, как все претензии тают, как дым. Это и есть ручное управление регионом: без ведома первого лица тут невозможно построить даже трансформаторную будку. Впрочем, повторю: ситуация характерна не только для Подмосковья.

Вместо того чтобы действовать по закону, чиновники в лучшем случае не делают ничего и ждут указаний свыше. Именно поэтому тысячи просителей осаждают администрацию президента и пишут письма Путину. Они знают, что указание «сверху» волшебным образом решает все проблемы, а без него чиновники особо не напрягаются.

По словам Дальгрена, его попытки выйти на диалог с теми людьми, которые чинили ему препятствия, часто заканчивались на уровне секретарей приемных. Те говорили, что начальник страшно занят, не может принять и ответить. И так изо дня в день.

Наверно, это было удивительно для европейца: В его стране номер мобильного телефона мэра города висит на официальном сайте мэрии, и тот всегда готов обсудить любые возникающие проблемы.

«Никого нет на месте», — такой ответ секретарши слышал не только он. После дефолта облигаций Подмосковья, когда инвесторам непонятно было, куда бежать и к кому обращаться, областных чиновников тоже было невозможно нигде найти.

Впрочем, сначала они вели себя совсем иначе, устраивали громкие презентации амбициозных проектов, обещая процветание и благоденствие тем, кто согласится помочь им с деньгами. Как ни странно, многие в это верили и вкладывали деньги в корпорацию под названием «Московская область». Вот как это происходило...